СОДЕРЖАНИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПРАВЕ ВТО: ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ И ПОДХОДЫ*

КАПУСТИН Анатолий Яковлевич, первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор
117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34
E-mail: kapustin@izak.ru

В статье рассматриваются основные особенности содержания международно-правовой ответственности в праве Всемирной торговой организации (ВТО). Анализ понятия «содержание международно-правовой ответственности» проводится на основе проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, подготовленного Комиссией международного права ООН в 2001 г., в том числе рассматриваются различия в концептуальных обоснованиях содержания ответственности, которых придерживались различные докладчики по этому вопросу. Автор разделяет точку зрения о том, что специфика института ответственности в праве ВТО по сравнению с общим международным правом (проектом Комиссии международного права ООН) может быть объяснима с точки зрения того, что право ВТО выступает *lex specialis* по отношению к общему международному праву. Рассмотрение и сравнение положений проекта Комиссии международного права ООН и Договоренности о разрешении споров в ВТО позволили заключить, что философия основных принципов содержания международной ответственности в указанных документах очень близка или даже в основном совпадает. В статье исследованы основное понятие «нарушение обязательства» по праву ВТО и обязанности членов организации по прекращению правонарушения. Сделан вывод, что, несмотря на отдельные особенности реализации требования предоставить заверения и гарантии о недопущении впредь нарушений соглашений ВТО, в целом право ВТО обеспечивает соблюдение обязательства прекратить противоправное поведение.

Ключевые слова: общее международное право, право ВТО, содержание международно-правовой ответственности, международно-противоправное деяние, прекращение правонарушения, надлежащие заверения и гарантии неповторения нарушения международного права.

CONTENT OF INTERNATIONAL LEGAL RESPONSIBILITY IN WTO LAW: THE GENERAL PRINCIPLES AND APPROACHES

A. Ya. KAPUSTIN, first deputy director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, doctor of legal sciences, professor
34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218
E-mail: kapustin@izak.ru

The present article discusses the main features of the content of international legal responsibility of the law of the World Trade Organization (WTO). Analysis of the concept of "content" of international legal responsibility is based on the Draft articles on responsibility of states for internationally wrongful acts, prepared by the UN International Law Commission in 2001, as well as the differences in the conceptual underpinnings of the responsibility, which is held on the various speakers' issue. The author shares the view that the specificity of the institute of responsibility in WTO law in comparison with the general international law (Draft of UN International Law Commission), can be explained in terms of the fact that WTO law serves a *lex specialis* in relation to general international law. Review and comparison of the provisions of the Draft of UN International Law Commission and the Dispute Settlement Understanding of the WTO has allowed to conclude that the philosophy of the basic principles of the content of the international responsibility in these documents are very close to or even in the ground is the same. The article investigated the basic concept of a "violation of obligations" in WTO law and obligations of the members of the organization to terminate the offense. It is concluded that in spite of the individual features of the implementation requirements to provide "assurances and guarantees" prohibiting further violations of the WTO agreements, in general, WTO law ensures compliance with the obligation to cease the wrongful conduct.

Keywords: general international law, WTO law, contents of international legal responsibility, internationally wrongful act, termination of the offense, appropriate assurances and guarantees of non-violation of international law.

DOI: 10.12737/17173

Совершение международно-противоправного деяния субъектом международного права, влекущее его международную ответственность, логично предполагает наступление юридических последствий такого деяния. Первоначально в

отечественной международно-правовой науке проблема определения характера и содержания указанных юридических последствий интерпретировалась как виды или формы международной ответственности государств¹.

* В основе настоящей статьи — выступление А. Я. Капустина на X Ежегодных научных чтениях памяти профессора С. Н. Братуся.

¹ См.: Курс международного права. М., 1966. С. 182; Тункин Г. И. Теория международного права. М., 1970 С. 481; Мазов В. А. Ответственность в международном праве. М.,

В проекте статей «Об ответственности государств», подготовленном Комиссией международного права ООН в 2001 г. (далее — проект 2001), Часть вторая озаглавлена «Содержание международной ответственности государства». Это понятие (содержание международной ответственности государства) определяется в ст. 28 проекта 2001 как «юридические последствия международно-противоправного деяния». В ней установлено, что «международная ответственность государства, которую влечет за собой международно-противоправное деяние в соответствии с положениями части первой, порождает юридические последствия, установленные в настоящей части». Комиссия международного права ООН в комментарии к Части второй проекта 2001 уточнила, что содержание международно-правовой ответственности сводится к двум существенным правовым последствиям, которые являются обязательствами ответственного государства: «прекратить противоправное поведение и предоставить полное возмещение вреда, причиненного международно-противоправным деянием»².

В процессе работы Комиссии международного права над проектом статей об ответственности государств понятие «содержание международно-правовой ответственности» в некотором смысле эволюционировало. В проекте статей об ответственности государств, принятом Комиссией международного права ООН в первом чтении в 1996 г., Часть вторая имела другое название, а именно «Содержание, формы и уровни международной ответственности». Она включала возможность применения потерпевшим государством контрмер против государства-правонарушителя. В то же время в проекте 2001 институт контрмер был помещен в новую, Часть третью и был отнесен к мерам имплементации международной ответственности государства.

Подобная метаморфоза явилась результатом различия в концептуальных подходах к понятию международно-правовой ответственности и ее последствий,

которых придерживались докладчики Комиссии международного права ООН, представившие указанные проекты статей об ответственности государств, — Г. Аранджо-Руиз в 1996 г. и Дж. Кроуфорд в 2001 г.

Г. Аранджо-Руиз, по отзывам некоторых юристов, более тяготел к кельзианской модели международного правопорядка, которая предполагала неизбежным последствием противоправного деяния государства применение к нему «санкций» для восстановления нарушенного правонарушением порядка³. В то же время Г. Аранджо-Руиз проводил различие между «существенными» последствиями международно-противоправного деяния (прекращение противоправного поведения и возмещение вреда) и «инструментальными», или «формальными» («процедурными») последствиями (контрмерами), которые он также включал в понятие содержания международно-правовой ответственности⁴.

Дж. Кроуфорд, напротив, по возможности стремился дистанцироваться от идеи принудительного поддержания правопорядка, полагая, что обеспечение международного правопорядка будет более надежным, если само международное право определит юридические последствия за совершение международного правонарушения, не ставя их в зависимость от иных условий. В силу этого «содержание» международной ответственности он понимал как юридические последствия, наступающие для государства-нарушителя и предусмотренные международным правом. Он не считал нужным относить к нему дополнительные последствия, которые зависят от последующей реакции заинтересованных сторон⁵, поскольку могла сложиться двусмысленная ситуация в понимании содержания международной ответственности.

Анализ содержания международной ответственности за нарушение норм права Всемирной торговой организации (ВТО) представляет значительный интерес, который объясняется одной из особенностей данной правовой общности, отличающей ее от модели общего международного права, предложенной в проекте 2001. Эта характерная черта заключается в том, что система разрешения споров, принятая в ВТО, направляет усилия спорящих сторон скорее на прекращение нарушения положений соглашений ВТО, не признавая необходимости воз-

1979. С. 94—95 и др., где, говоря о видах международной ответственности, авторы перечисляют в качестве таковых политическую, материальную и моральную ответственность или два вида из указанных. В настоящее время категорию «форма международной ответственности» продолжает использовать М. В. Кривенкова (Нематериальная международно-правовая ответственность государств. М., 2015. С. 69—70). В то же время некоторые специалисты возражают против использования понятия «формы ответственности», полагая, что этот термин вносит неопределенность при обозначении последствий международного правонарушения, поскольку он может быть отождествлен с формами возмещения вреда. См.: Батрашин Р. Р. Ответственность государств и применение контрмер в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 73.

² См.: Report of the ILC on the Work on the Fifty-Third Session (2001). Doc. A/56/10. P. 87. URL: <http://legal.un.org/ilc/>.

³ См.: Pons X. F. La OMC y el derecho internacional. Un estudio sobre Sistema de solucion de diferencias de la OMC y las normas secundarias del derecho internacional general. Madrid, 2006. P. 313.

⁴ См.: Report of the ILC on the Work of its Fortieth Session, 9 May — 29 July 1988. Official Records of the General Assembly, Forty-Third Session, Supplement No. 10. Doc. A/43/10.

⁵ См.: Report of the Commission to the General Assembly on the Work of its Fifty-Second Session UNITED NATIONS // Yearbook of the International Law Commission. 2000. Vol. II. Part Two. N. Y.; Geneva, 2006. P. 21.

мещения причиненного нарушением многостороннего соглашения ущерба. По мнению специалистов, включая Дж. Кроуфорда, подобный подход к концепции содержания международно-правовой ответственности в праве ВТО представляет собой один из очевидных примеров *lex specialis*, положения которого могут изменять более общую норму (общего международного права, получившую закрепление в проекте 2001)⁶.

Логику подобной «мягкости» права ВТО в отношении квалификации и определения юридических последствий нарушения положений многосторонних соглашений понять можно, поскольку международные обязательства государств — участников таких соглашений обладают значительной спецификой по сравнению с обязательствами государств по общему международному праву, большинство из которых носит императивный характер. Отношения между государствами — членами ВТО в области торговли и экономической политики осуществляются «путями, совместимыми с их соответствующими потребностями и интересами на различных уровнях экономического развития» (преамбула Марракешского соглашения о ВТО 1994 г. (далее — Соглашение ВТО)). Соответственно, перед ВТО не стоит задача добиваться принуждения к выполнению норм многосторонних соглашений, скорее, наоборот, она стремится быть «форумом для переговоров между ее членами по вопросам их многосторонних торговых отношений, относящимся к соглашениям» (п. 2 ст. 3 Соглашения ВТО).

Таким образом, специфика юридического содержания обязательств государств — членов ВТО по многосторонним соглашениям и особенности функций данной международной организации по обеспечению выполнения указанных обязательств формируют достаточно своеобразную конструкцию института международной ответственности применительно к правоотношениям, складывающимся между ними в рамках ВТО.

В статье 29 «Сохранение обязанности по исполнению обязательства» проекта 2001 в качестве одного из общих принципов содержания международной ответственности предусмотрено положение о том, что юридические последствия международно-противоправного деяния не затрагивают сохраняющейся обязанности ответственного государства по исполнению нарушенного обязательства. Иными словами, данный документ исходит из того, что сам факт нарушения международного обязательства не приводит автоматически к его прекращению, таким образом, ст. 29 подтверждает непрерывность обязанно-

сти государства, нарушившего норму международного права, выполнить нарушенное обязательство.

Статья 30 «Прекращение и неповторение деяния» проекта 2001 посвящена двум вопросам, которые, по мнению Комиссии международного права ООН, хотя и различны по содержанию, но все же в определенном смысле связаны между собой⁷. В ней установлено, что «государство, ответственное за международно-противоправное деяние, обязано: а) прекратить это деяние, если оно продолжается; б) предоставить надлежащие заверения и гарантии неповторения деяния, если того требуют обстоятельства»⁸. Комиссия международного права ООН рассматривала оба требования как взаимосвязанные элементы обязательства выполнить нарушенную норму, при этом прекращение правонарушения воспринималось как «негативный аспект» будущего выполнения нарушенного обязательства, а «заверения и гарантии» выполняли задачу его «позитивной поддержки»⁹.

Комиссия международного права ООН исходила из того, что прекращение противоправного деяния служит задаче «положить конец нарушению международного права и сохранить действие и эффективность лежащей в основе первичной нормы»¹⁰. Хотя прекращение правонарушения и возмещение вреда являются двумя общими последствиями международно-противоправного деяния, Кроуфорд отмечал, что по многим вопросам, связанным с международной ответственностью, необходимо определить, имеет ли место нарушение обязательства, и «восстановить вновь его исполнение», что может быть достигнуто возмещением вреда¹¹.

Основная задача права ВТО в случае нарушения его положений частично соответствует философии проекта 2001. Общие положения Договоренности о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров Всемирной торговой организации (далее — Договоренность), предусматривают, что «при отсутствии взаимоприемлемого решения первая цель механизма урегулирования споров, как правило, состоит в том, чтобы обеспечить отмену принятых мер, если устанавливается, что они несовместимы с положениями какого-либо из охваченных Соглашений» (п. 7 ст. 3).

Прекращение неправомерного поведения одной из сторон спора в ВТО является основной задачей системы урегулирования споров, которая находит отражение в деятельности третейских групп и Апел-

⁷ См.: Report of the ILC on the Work of the Fifty-Third of Sessions (2001). P. 88.

⁸ Текст проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния см.: Doc. ООН A/Res/56/83.

⁹ Report of the ILC on the Work of the Fifty-Third Session (2001). P. 88.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

⁶ См.: Pons X. F. Op. cit.; Crawford J. Third Report on State responsibility. Doc. A/CN.4/507/Add.1. 2000. P. 29—30; Report of ILC on the Work of its Forty-Third Session. Doc. A/56/10. P. 227—228.

ляционного органа при рассмотрении ими жалоб на меры сторон, которые прекратили свое действие, т. е. утратили юридическую силу. Эти группы могут отказаться от оценки таких мер, ссылаясь на то, что «Третейские группы ГАТТ/ВТО следуют практике не высказываться о мерах, период действия которых истек, или по причине того, что они были аннулированы или утратили силу»¹².

Иногда встречаются случаи, когда органы по рассмотрению споров в ВТО высказываются о мерах, которые уже не действовали, но они являются крайне редкими и в них речь шла о коллизии достаточно особых обстоятельств¹³. В связи с этим испанский юрист К. Ф. Понс заметил, что в отдельных случаях подобный подход будет оправдан, что объясняется необходимостью предупредить возможное повторное введение оспариваемых мер со стороны ответчика. В таких случаях принятие доклада органами по разрешению споров ВТО служит для того, чтобы государство-нарушитель дало «заверения и гарантии» о неповторении подобных мер в будущем¹⁴. Примером такого подхода органов по разрешению споров в ВТО может быть доклад Третейской группы по вопросу «ЕЭС — ограничения на импорт яблок из Чили» 1980 г. В нем Третейская группа высказалась в том смысле, что ее мандат подразумевал рассмотреть вопрос о мере, действие которой уже истекло, учитывая сезонный характер импорта яблок и понимание высокой вероятности риска нового введения ограничений на импорт яблок со стороны ЕЭС.

Вместе с тем нельзя распространять эту позицию поиска «заверений и гарантий» в отношении любой меры, действие которой уже истекло. В связи с этим Третейская группа по вопросу «Аргентина — текстиль и одежда (США)», отвечая на беспокойство, проявленное стороной-заявителем (США) о возможности нового введения оспариваемых мер, ввиду отсутствия ясных доказательств подобного, утверждала, что она не может предположить то, что Аргентина вновь примет меры по защите рынка с тем, чтобы попытаться уклониться от обсуждения ее мер в Третейской группе. Третейская группа высказала мнение о том, что члены ВТО добросовестно выполняют свои обязательства, вытекающие из договоров, как этого требует Соглашение о ВТО и

международное право¹⁵. Можно согласиться с мнением К. Ф. Понса, что эти споры об обязательности требования представить «заверения и гарантии» неповторения в будущем ограничительных мер по сути совпадают по смыслу с тем, что предусмотрено в ст. 30 проекта 2001, налагающей единственное обязательство предоставлять их государству-ответчику «если того требуют обстоятельства», а не во всех случаях по требованию заявителя¹⁶.

Таким образом, можно заключить, что обязательство прекратить неправомерное поведение обеспечено институциональным механизмом ВТО. Когда третейские группы и Апелляционный орган делают заключение о том, что мера государства-ответчика является несовместимой с охватываемым соглашением, они рекомендуют, чтобы такое государство привело ее в соответствие с этим соглашением. Такие рекомендации приобретают характер полуавтоматического требования, что обеспечивается правилом «негативного консенсуса», регулирующего принятие докладов Органа по урегулированию споров ВТО. Это правило означает, что заблокировать принятие обязательного решения Органа по урегулированию споров ВТО можно только в том случае, если будет достигнут консенсус против такого решения, включая решение государства, выигравшего спор, т. е. в пользу которого выносится соответствующий доклад.

Кроме того, ст. 12 Договоренности устанавливает различные механизмы контроля или надзора за применением рекомендаций и резолюций. Государство-ответчик, именуемое в Договоренности «уязвимым», должно информировать Орган по урегулированию споров в течение 30 дней, следующих за принятием доклада, о своих планах по реализации доклада. Если нет возможности немедленного выполнения доклада, уязвимое государство располагает разумным сроком для исполнения своей обязанности. В течение разумного срока уязвимое государство представляет свое предложение о реализации доклада в Орган по урегулированию споров, который его одобряет. Либо это будет срок, устанавливаемый с общего согласия сторон в споре, либо в отсутствие такого согласия этот срок будет определяться посредством юридически обязательного арбитража (п. 3 ст. 21). Учитывая возможность того, что меры, принятые уязвимым государством по выполнению доклада, по мнению стороны-заявителя, продолжают оставаться несовместимыми с охватываемыми соглашениями, Договоренность (п. 5 ст. 21) предусмотрела особое производство для разрешения указанного спора, допускающее вмешательство первоначальной Третейской группы, которая занималась этим делом.

¹² Эта идея была выражена в Докладе Третейской группы, учрежденной для рассмотрения вопроса «Япония — фильмы» (Doc. WT/DS44/R. п.10.58). См. также доклады третейских групп по вопросам «США — бензин» 1996 г. (Doc. WT/DS2/R) и «Аргентина — текстиль и одежда (США)» 1997 г. (Doc. WT/DS56/R).

¹³ Такие упоминания можно встретить в специально подготовленном сборнике ВТО о судебной практике по «прекращенным мерам». См.: WTO Analytical Index. 2003. Vol. 2. P. 1310—1313.

¹⁴ См.: Pons X. F. Op. cit. P. 315.

¹⁵ См.: Доклад Третейской группы «Аргентина — текстиль и одежда (США)». Doc. WT/DS56/R. п. 6.14.

¹⁶ Pons X. F. Op. cit. P. 316.

Орган по урегулированию споров, осуществляя наблюдение за соблюдением докладов государствами — членами ВТО, принимает от уязвимых государств информацию о достигнутых успехах, до тех пор пока не будет установлено его окончательное выполнение. Это постоянное наблюдение, или мониторинг за выполнением обязательств по урегулированию споров, осуществляемый органом по урегулированию споров, может рассматриваться как форма «политического давления» на уязвимое государство, что будет дополнительно содействовать прекращению его неправомерного поведения.

Конечно, гипотетически можно допустить ситуацию, при которой уязвимое государство, несмотря ни на что, не собирается выполнять предписания принятого доклада. В этом случае для решения проблемы открываются две возможности: либо выплата «компенсации», либо приостановление уступок и других обязательств, согласованных государствами в рамках ВТО. Подобная возможность на первых этапах функционирования ВТО побудила ряд зарубежных авторов выдвинуть концепцию «релятивизации» обязательства государства-ответчика прекратить неправомерное поведение.

Так, Дж. Г. Бельо предположил, что государство-ответчик может достаточно длительное время (или бесконечно) не прекращать нарушение обязательства по соглашениям ВТО, договариваясь в качестве альтернативы об адекватной компенсации с потерпевшим государством-членом или ссылаясь на то, что это государство приостановило некоторые уступки или обязательства. Дж. Г. Бельо, таким образом, пришел к выводу, что «нормы права ВТО являются просто не обязательными, в традиционном смысле этого слова»¹⁷. Под «традиционным смыслом обязательности норм» он понимал возможность государственного принуждения к исполнению правовых решений. Такая постановка вопроса подверглась резкой критике одного из наиболее известных экспертов многосторонней системы торговли Дж. Г. Джексона, который указал на непонимание своего коллеги, который искал концепцию юридического обязательства ВТО и внес тем самым неразбериху в различие между пониманием международного и внутреннего права некоторых ключевых концепций¹⁸.

Прекращение противоправного поведения в рамках ВТО также было изучено с точки зрения политической и экономической выгоды. Некоторые авторы (например, В. Ф. Шварц и Э. О. Сайкс) полагали, что

Договоренность создает возможность для широкого усмотрения государству-ответчику, которое может выбирать между выполнением своих обязательств или продолжением их нарушения. Это представляется как возможность «купить» нужное решение, как подсчет затрат и выгод таким образом, что государство-ответчик может оценивать в каждом случае лучший вариант поведения: выполнения или «уплаты» компенсации за невыполнение своих обязательств. Такой подход допускается, поскольку он практикуется в праве ЕС для оспаривания возможности прямого действия права ВТО, однако юристы не допускают его рассмотрения в «юридической плоскости», поскольку сам факт предложения компенсации или решения о приостановлении уступок не освобождает от обязанности выполнить обязательства, принятые в соответствии с соглашениями ВТО¹⁹. Об этом же говорят и положения Договоренности, настаивающей на том, что возможная компенсация или приостановление уступок или других обязательств по праву ВТО являются исключительно временными мерами, направленными на стимулирование выполнения охваченных соглашений. Кроме того, Договоренность требует, чтобы любое решение, включая те, которые являются результатом взаимных переговоров спорящих сторон, были бы совместимыми с соглашениями ВТО и квалифицировались как «существенный элемент» системы разрешения споров ВТО обеспечения безопасности и предсказуемости системы многосторонней торговли (п. 2 ст. 3).

Кроме того, в практике ВТО «опцион купить» кажется малоосуществимым, так как потерпевшие члены регулярно требуют отмены несовместимых мер и не соглашаются на компенсацию. Они не чувствуют удовлетворения от простого решения отмены уступок или других обязательств государством-ответчиком, их целью является отмена несовместимой меры, которая негативно затрагивает некоторых из их экономических субъектов (нередко субъекты выступают инициаторами требований, формально выдвигаемых государством-истцом, так как компенсация и отмена уступок обычно затрагивают секторы, весьма далекие от интересов субъектов, инициировавших рассмотрение спора в ВТО).

В свою очередь, государства, несущие ответственность за совершенное нарушение, подтверждают (даже в тех случаях, когда они отказывались выполнить принятый доклад, но при этом также страдали от отмены уступок, как это было в деле «Европейский Союз — гормоны» 1998 г. Док. WT/DS26/AB/R), свое намерение соблюдать обязанность уважения обязательств, вытекающих из ВТО. Отсюда следует, что концепция «релятивизация» обязательного характера международных обязательств, вытекающих из соглашений ВТО, не соответствует ин-

¹⁷ См.: *Bello J. H.* The WTO Dispute Settlement Understanding: Less or More // *American Journal of International Law*. 1996. Vol. 90. P. 416.

¹⁸ См.: *Jacson J. H.* The WTO Dispute Settlement Understanding: Misunderstandings on the Nature of Legal Obligation // *American Journal of International Law*. 1997. Vol. 91. P. 60.

¹⁹ См.: *Pons X. F.* Op. cit. P. 318—319.

тересам государств — членов ВТО и не затрагивается юридическими разногласиями, периодически возникающими между ними.

Таким образом, можно заключить, что право ВТО не отходит от общего принципа права международной ответственности государств, устанавливающего, что юридические последствия международно-

противоправного деяния не освобождают государство-ответчика от обязанности выполнить нарушенное обязательство. Равным образом не исключается соблюдение постоянного обязательства прекращения правонарушения, что дополняется использованием других возможных средств воздействия на нарушителя права ВТО.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Bello J. H. The WTO Dispute Settlement Understanding: Less or More // American Journal of International Law. 1996. Vol. 90.
- Crawford J. Third Report on State responsibility. Doc. A/CN.4/507/Add.1. 2000.
- Jacson J. H. The WTO Dispute Settlement Understanding: Misunderstandings on the Nature of Legal Obligation // American Journal of International Law. 1997. Vol. 91.
- Pons X. F. La OMC y el derecho internacional. Un estudio sobre Sistema de solucion de diferencias de la OMC y las normas secundarias del derecho internacional general. Madrid, 2006.
- Батршин Р. Р. Ответственность государств и применение контрмер в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005.
- Кривенкова М. В. Нематериальная международно-правовая ответственность государств. М., 2015.
- Курс международного права. М., 1966.
- Мазов В. А. Ответственность в международном праве. М., 1979.
- Тункин Г. И. Теория международного права. М., 1970.

REFERENCES

- Bello J. H. The WTO Dispute Settlement Understanding: Less or More. American Journal of International Law. 1996. Vol. 90.
- Crawford J. Third Report on State responsibility. Doc. A/CN.4/507/Add.1. 2000.
- Jacson J. H. The WTO Dispute Settlement Understanding: Misunderstandings on the Nature of Legal Obligation. American Journal of International Law. 1997. Vol. 91.
- Pons X. F. La OMC y el derecho internacional. Un estudio sobre Sistema de solucion de diferencias de la OMC y las normas secundarias del derecho internacional general. Madrid, 2006.
- Batrshin R. R. Otvetstvennost' gosudarstv i primeneniye kontrmer v sovremennom mezhdunarodnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. Kazan', 2005.
- Krivenkova M. V. Nematerial'naya mezhdunarodno-pravovaya otvetstvennost' gosudarstv. M., 2015.
- Kurs mezhdunarodnogo prava. M., 1966.
- Mazov V. A. Otvetstvennost' v mezhdunarodnom prave. M., 1979.
- Tunkin G. I. Teoriya mezhdunarodnogo prava. M., 1970.